

Но, кроме того, что совесть есть страж нравственного закона и недремлющее око Божие, она часто бывает у людей главным и самым неотразимым свидетельством самого бытия Божия. Недаром люди иногда спрашивают у других: “скажи по совести – есть ли Бог?” Вот этот-то самый голос совести иногда так сильно и убедительно свидетельствует человеку о бытии Божиим, что перед ним умолкают всякие злоухищрения, колебания и отрицания. Иной человек, даже во время своей безбожной беседы или весёлой пирушки, вдруг в глубине своей души “почувствует”, что Бог есть, что Он всё видит и слышит. Это чувствование Бога, иногда весьма неожиданное, доводило человека до того, что он в одну минуту решался перевернуть всю свою жизнь и направить её “по-Божьему”. Так, среди пира товарищей, веселья и пьянства разбойник Варрава “чувствует”, что есть Бог, тихо уходит от товарищей, оставляет разбой и остальную жизнь проводит в отдалённой обители, подвигами покаяния заглаживая свои преступления.

Так и Мария, молодая и развращённая девица, не думавшая серьёзно о Боге и спасении души, случайно попавши в храм Воскресения “почувствовала”, что есть Бог. Тут же она даёт обещание исправиться, оставляет прежнюю свою греховную жизнь, уходит в Заиорданскую пустыню и многими подвигами, слезами и молитвами удостоивается прощения Божия и становится великой Марией Египетской.

Эти и им подобные обращения суть дела совести человеческой, которая служит могучим для человека доказательством существования Бога. Конечно, когда человек ведёт жизнь греховную, служит страстям и порокам, тогда изредка он слышит этот голос или, вернее сказать, старается его не слушать. Но у нравственного человека этот голос обращается в немолкаемую песнь Творцу и Промыслителю – Богу.

Итак, благочестивый слушатель, ты хочешь иметь ещё доказательства бытия Божия, – за ними не нужно идти далеко. Они внутри тебя, в твоём духе, в твоей совести. В минуты душевного покоя, в тиши ночной, когда всё вокруг тебя, притаившись, спит, когда и в тебе спят все твои пороки и страсти, спроси у своей совести: “есть ли Бог?” – и ты услышишь от неё ясный и правдивый ответ: “Бог есть”. Во дни внутренних терзаний, когда греховные воспоминания мучают тебя, когда содеянное тобою грозными призраками встаёт перед твоими очами, опять спроси у совести: “есть ли Бог?” – и получишь тот же ответ: “Бог есть”. Когда всё земное потеряет для тебя обаятельность и ценность, когда ты почувствуешь приближение смерти, когда будешь подводить итоги всему пережитому, тогда опять спроси совесть свою: “есть ли Бог?” – и опять ты услышишь от неё: “Бог есть”.

Чаще вопрошай об этом совесть, держи её, как чистое зеркало, и она тогда не станет мучить тебя, не будет преследовать тяжкими воспоминаниями и кошмарными образами, а будет вещать тебе о Боге, влечь к Нему и славословить Его...

ЧУВСТВО ЛЮБВИ И СТРЕМЛЕНИЕ К ИДЕАЛУ, КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОЖИЯ

*Если в жизни, родная, есть счастье, –
Это счастье в одной лишь любви.
Под грозою и тьмою несчастья,
Верь в мощь её, смело иди.
Пусть отдать тебе много придётся;
Жертв своих никогда не считай,
Пока сердце в груди твоей бьётся,
Отдавай, без конца отдавай...
В этом мире, где царствует горе,
Столько плачущих, скорбных очей...
О, зажги же им светлые зори
Беззаветной любовью своей...
Отнеси им все ласки, прощая,
Забывая в них боль своих слёз,
И у врат ослепительных рая
Тебя встретит с улыбкой Христос...*

Как дети, так и взрослые, богатые и бедные, образованные и некультурные – все одинаково тянутся к любви, ищут её, хотят любить и быть любимым. Не знаю, есть ли на свете люди, которые никогда и никого не любили бы, были этим довольны и не хотели бы своего сердца открыть для этого чувства. Думаю, что таковых нет. Любовь – это свет, который освещает мрак нашей тяжёлой, скорбной жизни; это тепло, согревающее душу людскую; это солнце, ласкающее нас. Без любви жизнь была бы невыносима; без неё люди стали бы самыми лютыми, кровожадными и страшными зверями; без неё вся жизнь наша превратилась бы в мрак, а земля – в ад; без неё не было бы ни милосердия, ни подвигов благородства, ни улыбки на лице, ни радостного блеска глаз, ни звонкого смеха дитяти, ни святых порывов юности, ни подвигов зрелого возраста, ни кротости и терпения старости. Она всё украшает, освящает, всему смысл даёт, всё облагораживает. Где любовь – там радость, мир, покой и счастье. Любовь – это сказочный волшебник, перед которым никто и ничто не устоит. Как ей легко пленить сердце дитяти и привязать его к матери, точно так же нетрудно ей покорить себе мужа и держать в плену старца. Весь мир находится в её цепях, и эти цепи кажутся нам прекраснее всех благ мира; все ищут этих цепей, любят их, радуются, когда чувствуют их на себе и горько плачут, когда они разрываются. Любовь – волшебница. Где она появляется, там появляется мир, радость и счастье. Она больного подымает с одра болезни и слабого

делает выносливым; она трусливого обращает в героя и сильного держит у своих ног; она зверя укрощает и страсти уничтожает. Послушные голосу любви, люди идут не только на лишения и подвиги, но и на верную смерть; идут не с сожалением и проклятиями, а с радостью и восторгом умирают за любимого. Любовью объят весь мир. Несмотря на то, что она на каждом шагу ведёт борьбу с эгоизмом, она не утратила своей силы и могущества. Часто самый сухой и чёрствый эгоист, сам того не сознавая, является рабом и невольником той самой любви, с которой он борется, ибо и он кого-то любит, кому-то готов отдать себя. Даже и тот человек, за жестокость которого называют человеконенавистником, и он не свободен от её уз. Посмотрите на него, когда он дома, когда тянутся к нему ручки его ребёнка, когда залепечут детские уста: “папа, папа”, – тогда в этом человеке вы не узнаете того чёрствого эгоиста, каким вы привыкли видеть его. Перед вами здесь другой человек, а именно, человек ласковый, добрый, мягкий, уступчивый, готовый на всевозможные лишения и жертвы – перед вами раб и пленник великой святой любви; он сделает всё, что прикажет она ему устами этого малютки. Это уже не эгоист, не разбойник, не палач, а человек размягчённый, облагороженный и освящённый любовью. И если бы мир в своё время встретил этого человека также доверчиво и с любовью, как это дитя, то, быть может, не стал бы он таким чёрствым эгоистом, человеконенавистником и злым...

Но мне могут возразить: “Можно ли теперь, во время эгоизма, борьбы за существование, чёрствости и озверения, приписывать любви такую власть и силу; если бы она была действительно столь могуча, то мы не знали бы войн, революций, погромов и других бедствий, свидетельствующих именно о том, что любовь иссякает...”

Да, в массе народной, когда люди находятся под гипнозом дьявола, действующего через сильных людей, в массе, которая превращается в стадо неразумных животных, проявляется чаще всего власть не любви и Бога, а ненависти, злобы, мести – власть дьявола. Но когда те же люди освобождаются из-под этого гипноза, когда они перестают быть частью массы и получают утраченную было власть над собой, тогда они отдаются любви, с отвращением и сожалением вспоминают свои поступки, часто презирают себя за содеянное и мучаются собственной совестью. И в это время любовь, изгнанная было из их сердец дьяволом, возвращается к ним, как царица и повелительница их. Как в физическом мире мы замечаем, что чем темнее ночь, тем ярче звёзды, так и здесь: чем хуже, злобнее отношения людские, тем более бывает требовательна любовь, когда она возвратится к человеку. Теперь и именно теперь, когда так ярко проявился человеческий эгоизм и всякого рода зло, – это же время, как нельзя лучше, использовала для себя любовь. Сколько примеров самопожертвования, милосердия и самых разнообразных подвигов явила она миру. Тому, кто

видит не одни только внешние факты, а старается заглянуть в душу человека, переживаемое нами время свидетельствует, что есть ещё любовь и немало имеет она на земле своих верных слуг. Возьмём ли воинов, идущих умирать за свою родину и не испытывающих никакой вражды к неприятелю; заглянем ли в небольшую рощу, где после боя раненый русский делает перевязку турку и поит его остатками воды, в которой сам нуждается; пойдём ли на перевязочный пункт, где бесстрашные и самоотверженные санитары из-под пуль и снарядов спасают раненых; перенесёмся ли в госпиталь, где сёстры милосердия дни и ночи проводят у тяжело больных, любовно обмывая их гнойные раны и ласково утешая страдальцев, – всюду мы увидим следы великой, святой любви; всюду она бодрящая, оживляющая, могучая, как Сам Бог, и святая, как Его отображение.

Конечно, не всякая любовь одинаково и свята, и чиста, и божественна. Хотя она есть дар Божий, но по своим проявлениям бывает различна. Чем духовно выше человек, тем чище его любовь и выше её дела, и, наоборот, чем ниже в религиозно-нравственном отношении человек, тем и любовь его слабее и дела мельче. Точно также, чем выше, идеальнее предмет любви, тем благороднее и дороже жертвы, приносимые ему. Но во всякой любви мы замечаем один закон, одно требование от любящего – служить и приносить жертвы любимому существу. Это всеобщее требование любви.

Как культурный человек, любя, думает об угождении любимому им существу, ограничивает свои потребности ради него, готов за него страдать, а при необходимости умереть, точно также и дикарь, отдаётся тем же велениям любви.

Особенно в этом отношении показательна любовь юношеского возраста, который, впервые познав сладость её, целые ночи проводит над раздумыванием о том, какую жертву он принесёт предмету своей любви. И перед ним тогда рисуется не простое ограничение себя в чём-либо, не обычные лишения, а непременно подвиги риска, самоотвержения, а иногда и смерть за любимое существо. Конечно, пройдут года, остынет пыл первой любви, наложит жизнь свою тяжёлую руку, и человек изменится. Но не думайте, что любовь его станет по существу иной; нет, когда в дом этого человека ворвутся разбойники, то он не остановится перед тем, чтобы грудью своею защитить любимую им семью и умереть за неё.

Итак, требование жертвы, граничащей со смертью тела – это всеобщее требование любви у всех людей и во все времена. Нет любви без жертвы. Даже у самых эгоистичных и чёрствых людей, если только любовь найдёт доступ к их сердцам, наступает время самоограничения, подарков и жертв...

Странно бывает видеть, как иной себялюбец, скупой как Плюшкин, дрожащий над каждой копейкой, отдавшись чарам любви, открывает для неё свой туго стянутый кошелек. Правда, его жертва невелика. Но для того, кто не привык и к такой, это всё-таки жертва. И эта жертва – дань любви.

Среди же людей нормальных, чьи сердца не окаменели, любовь их на каждом шагу сопровождается и украшается жертвами.

Вот перед нами друг обездоленных, угнетённых и страждущих – доктор Гааз. С раннего утра и до поздней ночи он служит страждущему человечеству. Он отдал ему все свои силы. Он целые часы просиживает у одра тяжело больного, трепетно следя за течением его болезни. Он забывает принять пищу, отказывает себе во сне; среди ночи бежит к больному... Разве это не жертвы?.. И жертвы немалые... Здесь непрестанное приношение в жертву самого себя, своей личной жизни. И всё это делает великая, святая любовь.

А вот “пастырь добрый, полагающий душу свою за своих овец”. Для него не существует личной жизни. Он живёт интересами своих близких по вере и духу. Он радуется их радостями и, ещё чаще, плачет с ними, переживая их скорби и неудачи. Вся жизнь его есть великая жертва “полагания души за паству свою”. И таких пастырей история христианства знает немало. Золотыми буквами записала она на страницах своих имена многих чудных и дивных служителей бескорыстной христианской любви. Вот перед нами св. Епископ Павлин (память 23 января). Бедная вдова со слезами умоляет его дать денег для выкупа из плена её сына. Сострадательный святитель ничего не находит у себя: всё роздано вчера... А вдова молит и рыдает... Видя горе матери, св. отец говорит: “Вот что! Отведи меня в плен, взамен твоего сына”. Не верит мать этому предложению: “Что ты, отец, или ты смеёшься надо мной?” “Нет, я не смеюсь, а решил пойти в неволю, чтобы тебе, мать, возвратить сына”. И долго Епископ уговаривает вдову согласиться принять эту жертву. Заканчивается тем, что Епископ остаётся в неволе, а юноша возвращается к матери.

Не менее прекрасна и величественна любовь св. подвижников. Когда они познали и почувствовали Бога, тогда в их сердцах запылало пламя великой любви к Нему. Чем дальше идёт время, тем ближе чувствуется Бог и тем могучее и сильнее их любовь к Нему. Вначале она требовала подвигов молитвы, поста и терпения, теперь же для неё мало этого. Она требует всё большего и большего. Она уже не соглашается на то, чтобы человек отдал миру часть своего сердца. “Весь предайся мне, – властно велит она, – весь служи Христу”. И, побуждаемые этим голосом любви ко Господу, целые сонмы подвижников оставляют мир, невинные радости семейной жизни, родных и близких, и уходят в непроходимые леса и знойные пустыни. Живя здесь в одиночестве, среди страшных зверей, они никого не хотят видеть и слышать, кроме Господа своего... Он их тепло и свет. Он их утешитель и вдохновитель. Он их врачует и укрепляет; в Нём их счастье, покой и блаженство. Проходят годы, десятилетия, дряхлеют их тела и слабеют, а любовь всё ширится и растёт и подвигает их на новые подвиги и жертвы. Забыть родных и близких, оставить мир и всё, что в

нём, кажется им уже малым и незначительным; они ищут чего-то большего, чем бы могли выразить любовь к Спасителю. Одни из них целые годы простаивают на камне, всем своим существом предавшись молитве; другие в созерцании Божества как бы отделяются от земли и всею душою уходят в небо; иные целые дни не принимают пищи, ибо преисполняются пищей духовной, которую подаёт им их любовь ко Господу; а для других не существует ни ледящего холода севера, ни палящего зноя юга, ибо пламя молитвы согревает их во время холода, и слёзы умиления охлаждают их во время зноя. А что сказать о мучениках, которые на смерть за Господа смотрят, как на счастье, которые, выслушав свой смертный приговор, плачут от умиления и радости, что они удостоиваются принести себя в жертву за Того, Кто добровольно умер за мир...

“Тебя, Женише мой, люблю и, Тебя ищущи, страдаю, и сраспинаюсь, и спогребаюсь с Тобой, и страдаю ради Тебя, чтобы царствовать с Тобою, и умираю за Тебя, чтобы и жить с Тобою. Как жертву непорочную, прими меня, с любовью принесшуюся Тебе”. Вот как смотрят св. мученики на свой смертный подвиг. Это – жертва Христу. Это – дар их любви, великой и безмерной любви Христовой. Только теперь, когда их вывели на арену цирка и поставили перед раскрытой клеткой тигров, только теперь их любовь ко Господу удовлетворена. “За Тебя, мой Сладчайший Иисусе, принесшего на Голгофе великую жертву, приношусь в жертву и я”. Когда пламя костра лижет лицо св. мученика, когда клубы дыма силятся задуть его, тогда из уст его слышится хвала в честь Господа и гимн любви: “Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоил меня умереть за Тебя”...

Скажите мне, что во всех этих требованиях любви действует?.. Неужели материя? Неужели она требует таких жертв? Неужели она велит нам изнурять своё тело, мучить его постом, подвергать холоду и зною, пренебрегать даже самой жизнью его?.. Неужели материя может требовать всего этого от нас?.. Неужели также и все высокие побуждения любви зависят от тех или иных комбинаций материальных атомов?.. Нет, нет и нет. Не может материя желать разрушения самой себя; не может она на каждом шагу требовать от самой себя ограничений и жертв. Тело может только заботиться о себе, хранить и беречь себя. А раз в человеке есть любовь, влекущая его на подвиги самопожертвования, и в самой смерти за любимое существо дающая ему высшее удовлетворение, значит в нём, кроме материи, есть духовное начало, которое не боится смерти тела, ибо оно бессмертно, неуничтожаемо и вечно. А если таковое начало есть, если есть бессмертный дух, то, значит, есть и Первопричина его, Великий Дух – Бог.

Я вижу во всём мире лучи любви, борющиеся с людским эгоизмом, согревающие и освещающие всех, и я верю в Великое Солнце, Ему же имя Любовь – Бог...

Но в деятельности сердца человеческого не только заключается одно начало любви, – в нём лежит и цель его. Мы всюду ищем идеальное существо, рвёмся к такому существу и не успокаиваемся до тех пор, пока не находим его. Прекрасно это стремление души человеческой и эту тоску выразил Лермонтов в своём стихотворении “Ангел”:

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песни святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов.
О Боге великом он пел – и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз.
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Человек вечно мечтает о правде, любви, мире и многом другом, высоким и прекрасном. Сам всего этого в своей жизни не осуществляет, но о нём мечтает. Откуда же эти мечты, эти стремления?.. Разве на земле есть правда, разве на земле было время, когда царили бы абсолютный мир и всеобщая любовь... Нет, этого никогда не было. И, тем не менее, человек мечтает об этом и ищет такое существо, которое в самом себе имело бы эти свойства: было бы преисполнено любви, несло бы с собою мир и разливалось бы повсюду счастье. Этим объясняются искание идеала и идеальной личности. Отыщется ли какой-нибудь схимник, – посмотрите, как бегут к нему люди; появится ли юродивый, – какое множество людей заинтересовываются им. Чем безбожнее и безнравственнее время, тем сильнее стремление найти высокую, святую личность, тем больше неудовлетворённости, трагизма жизни, разочарований и самоубийств.

Потерявши веру в Бога, человечество теряет веру в самого себя, во всё лучшее, светлое, и тогда жизнь превращается в пытку, в ад. Но чуть только начнёт вырисовываться это святое, великое Существо, и всё начинает оживать, ободряться, расцветать; появляются высокие порывы, подвиги, и сердца исполняются миром и счастьем. И таковым Существом, возрождающим, целящим и удовлетворяющим человечество, не могут быть люди, хотя бы и самые лучшие, светлые, чистые. Если мы найдём таких людей, то свет, исходящий от них, может удовлетворить нас только на некоторое

время. Вскоре же мы заметим на них пятна, и тогда опять станем искать более совершенного, чистого, светлого, и так до бесконечности. И не найдём мы никогда такого человека, который вполне удовлетворил бы запросы нашего духа. Но если такого Существа на земле нет, а наша душа стремится к Нему, без Него не имеет покоя, не мыслит счастья, то значит Оно где-то существует, несмотря на то, что невидимо нашими телесными очами... Да, опыт христианской жизни и искания лучших людей показали нам, что такое Существо есть – это Бог, Святейший, Премудрый, Единый, Благий, Всемогущий, Всеведущий, Вечный и Всесовершенный... Чья душа познает Его и приблизится к Нему, та ощутит мир, радость и преисполнится счастья. Только один Он – Свет истинный, просвещает всякого человека, грядущего в мир, и только в Его лучах тепло и светло проходить свой скорбный, тяжёлый жизненный путь. Он один – всесовершенная Любовь – может и наши сердца преисполнить неизреченных по сладости переживаний, когда коснётся их Своею любовью. В Его всемогущей деснице и под Его покровом, как в надёжном приюте, как в тихой пристани, спасается от потопления чёлн нашей жизни, бросаемый свирепыми бурями житейского моря. Иными словами, только Господь Бог является тем идеальным Существом, к которому сознательно или бессознательно стремится человеческая душа и в Нём одном находит свой мир, покой и блаженство. Моё сердце, исходящее от Бога, в то же время и создано для Него; один только создавший его Бог и может наполнить его; в Нём только оно найдёт свой мир; Он только один удовлетворит его.

Однажды, когда уже был вечер, и солнце близилось к закату, по берегу моря расхаживал высокий человек с грустным лицом и глубоко-серьёзным вдумчивым видом. То был Августин. Его глаза выражали всё его душевное волнение и беспокойство. Перед ним во всём своём великолепии расстилалось необъятное море с величественно вздымавшимися на нём волнами.

“О, море. – Вскричал он, наконец. – О, природа. Не ты ли мой Бог? Не ты ли можешь дать мир и покой измученной душе. Если ты мой творец, если тебе я обязан своим бытием, то откликнись на мой призыв. Напитай алчущую мою душу, утоли её жажду, удовлетвори запросы моего духа... Успокой меня”... Но волны своим плеском как бы отвечали Августину: “Ищи Того, Кто выше нас... Ищи Того, Кто выше нас... Не мы твой Бог; мы только Его творение, посеми и не можем дать сердцу твоему мира... Ищи Бога выше нас”...

Мало-помалу солнце закатилось за горизонт и тысячи ярких звёзд заблестели на безоблачном небе. Августин устремил глаза свои вверх, на эту чудную красоту, которая во всём своём блеске сияла над его головой, и воскликнул: “Да, вы – звёзды, вы – мой Бог... Дайте же мне мир и покой”... Но в ответ ему от далёких, тихо мерцающих звёзд почудился го-

лос: “Не мы твой Бог, мы лишь Его творение. Никакая сотворенная красота не может дать покоя твоему сердцу... Ищи Бога выше нас”.

И он стал искать выше; его умственный взор проник к бесплотным, разумным духам, и он воскликнул: “Не вы ли, великие духи, мой Бог?... Так дайте же моему сердцу мир и покой”... Но и оттуда послышался голос ему: “Не мы твой Бог; мы только дуновение Его всемогущего Духа... Ищи Бога выше нас”...

Тогда душа его возносится ещё выше, не только выше природы, но и выше всего духовного мира, к самому Престолу Божию и чуть только здесь он обретает покой. Здесь он уже не спрашивает: “Ты ли мой Бог?” Здесь для него всё ясно и понятно. Всё его существо чувствует, что здесь его Бог, здесь его Создатель, здесь Тот, к Кому так неудержимо всё время стремилась душа, Кого она искала, по Ком тосковала. Здесь, в трепетном волнении и благоговении, он, с сонмом небожителей, созерцает Того, Который есть источник всякой радости и неизмеримого счастья. Здесь оставили душу всякие мучащие вопросы, потому что свет истинного знания и божественной мудрости её озарил. Здесь она исполнилась мира и покоя, ибо ни грех, ни страсти и ничто иное, волнующее душу, не имеет доступа в эти обители вечного блаженства... Не спрашивает, не тоскует, не ищет здесь Августин ничего, а только пав ниц перед своим Создателем, в умиленном восторге несчетное количество раз шепчет: “благодарю... благодарю... благодарю...”

Вот Кто это Существо, этот Идеал нашей жизни, к Которому стремится человечество, и Который один только в мире может его удовлетворить...

Итак, возлюбленный мой слушатель, в стремлении к идеалу и в неотразимом и всеобщем законе любви мы видим новое свидетельство бытия Божия. Возгревай же в себе великий дар святой любви; стремись ко Господу, – и ты всем своим существом ощутишь Его, глазами души увидишь и сердцем почувствуешь Его...

ЖИЛ ЛИ ХРИСТОС?

*“Но он (Фома) сказал им: “если не увижу на руках
Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей,
и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю...”*

*...Иисус говорит ему: “ты поверил, потому что увидел Меня:
блаженны невидевшие и уверовавшие” (Иоан. 20, 25, 29)*

Казалось бы, не теперь, когда миллионы людей считают Иисуса Христа своим Богом, не теперь, когда во всех культурных странах Его имени посвящено множество храмов, не теперь, после девятнадцативековой истории насажденного Им христианства, задавать вопрос: жил ли Христос?

Но обстоятельства заставляют нас это сделать. Ибо в то самое время, когда миллионы людей вместе с нами Иисуса из Назарета, рождённого от Пресвятой Девы Марии 1926 лет тому назад, признают воплотившимся Богом, – другая часть человечества заявляет совершенно обратное, дерзая даже утверждать, что такого Иисуса, Какой изображён в Евангелии и Который живёт в наших религиозных представлениях, никогда и не существовало.

Прежде, когда эти речи слышались редко и робко, мы ещё могли на них не обращать внимания, но теперь, когда громко и настоятельно отрицают историческое существование Господа нашего Иисуса Христа, мы уже не имеем права молчать, а должны говорить и доказать миру, что мы не только верим, но и имеем полную возможность жизнь Иисуса Христа доказать также, как история устанавливает жизнь различных исторических личностей.

Но, быть может, кто-то задастся вопросом, как же можно дойти до такого неразумения и ослепления, чтобы, видя христианство, отрицать существование и жизнь его Основателя Иисуса Христа. Да, это ослепление, но в жизни мы видим немало примеров такого ослепления: ведь и атеисты, видя землю и живя на ней, не признают Творца её – Бога. Что же касается христианства и Господа нашего Иисуса Христа, то атеисты высказывают такое предположение. “Евреи, – говорят они, – ждали Мессию. Особенно эти ожидания были сильны в то время, когда они находились под властью римлян. Римское иго, подати кесарю, языческие войска – всё это возмущало евреев, и чем сильнее развивалось их возмущение римлянами, тем больше росли их ожидания Мессии. Его они ждали, как избавителя от ненавистных язычников, как своего царя, Который отомстит всем их врагам, утвердит в Иерусалиме Свой престол и сделает их участниками Своего вечного царства. Но время шло, а Мессии всё не было и не было. Мессианские чаяния растут, а Мессия не приходит. В это время появляется некий Иисус из Галилеи, который своим образом жизни и речами производит сильное впечатление на современников. Быть может, он был революционером, стремившимся свергнуть римское иго; быть может, просто мечтателем, желавшим улучшить быт человечества, – точно неизвестно. Одно лишь известно, что он был обыкновенным человеком, каковым и сам себя считал, никаких чудес не совершал и не воскресал из мёртвых. Римляне, видя в нём политически опасного человека, распяли его. И хотя он сошёл со сцены жизни, но святая память о нём осталась среди знавших его. И вот, около его имени, год за годом, постепенно стали складываться различные легенды: стали говорить, что он – Мессия, что он творил чудеса, воскрес из мёртвых и многое иное. Ко времени же падения Иерусалима, когда особенно тяжело было евреям, легенда об Иисусе развилась в прекрасную историю евангельского Христа, Сына Божия, Спасителя мира,